

собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных государственно-политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных государств. Социалистический сектор может быть одним из них, преобладая в нескольких странах, но влияя на жизнь гораздо более широкого ареала. Без этого ареала и глобальных связей территориальные очаги социализма вряд ли смогут сохраниться. Социализм может также распасться на несколько самостоятельных конкурирующих субкультур. Найдут ли они возможность для согласования своей деятельности, сближения идей и стратегий?

От этого зависит, насколько успешным будет продолжение истории социализма в XXI веке, насколько гуманным, демократичным, свободным, солидарным и творческим будет будущее человечества, наше будущее.

Русская революция: национальная смута или мировой триумф?

*Дзарасов С.С.,
д.э.н., Институт экономики РАН*

Вызываю огонь на себя!

Нынешний год является юбилейным дважды. Девяносто лет назад произошла в начале года Февральская, а к его концу – Октябрьская революция. Еще через десять лет будет самая круглая дата – их столетие. Обычно принято отмечать юбилейные даты каким-то обязательным ритуалом, а мне кажется, что лучшим способом их выделения из всей цепи событий является другое: с высоты ушедшего времени как можно объективнее рассмотреть происходившее тогда для понимания того, что происходит теперь.

Объективность – вот чего всегда не хватало взгляду на русскую революцию. Хотя считается, что время – лучший помощник тому, чтобы освободиться от субъективизма и встать на почву беспристрастности в оценке исторических событий,

но для русской революции оно таким не стало. Ее освещение в советское время было крайне тенденциозным. Значение одних событий преуменьшалось, а других, наоборот, преувеличивалось сверх того, какое они имели в действительности. Это особенно относится к роли деятелей революции. По советскому изображению революции никак нельзя было понять, кто какую роль из них играл, не говоря о том, что, кроме небольшой кучки людей, впоследствии оказавшихся у власти, все остальные представлялись либо как неисправимые реакционеры, либо как изменники делу рабочего класса, пошедшие на службу иностранным разведкам.

Поэтому ожидалось, что смена советского режима демократическим устранил идеологические и цензурные ограничения правдивого освещения исторических событий, и мы, наконец, получим возможность узнать революцию такой, какой она была в действительности. Однако нас постигло разочарование пуще прежнего. Пришедшие к новой власти политические силы еще больше предшественников подчиняют историческую мысль целям своего политического господства. Толкование исторических событий, в особенности хода и последствий русской революции, к собственной выгоде вошло в моду еще больше, чем это было раньше. Освещение того, какой была наша революция, передано в руки всегда готовых (конечно, за хорошие деньги) исполнять социальный заказ средств массовой информации. И пошла писать губерния.

Какую теперь дикость не прочтешь и не услышишь о том, какой была русская революция! Неоднозначная, как все революции в мире, она толкуется только в одном негативном смысле как величайшее злодеяние в нашей истории. В результате революции Россия достигла выдающихся успехов в экономике, социальной сфере, культуре, науке, образовании и поднялась до роли второй сверхдержавы мира. Нет, говорят нам, ничего этого не было, а был один мрак и ГУЛАГ.

Между тем правда состоит в том, что было и то, и другое. Не было чего-то одного. Как во всех революциях, хорошее и плохое было тесно переплетено между собой. В этом смысле везде было одно и то же. Поэтому приписываемое русской революции ее хулителями особое злодеяние полностью предопределяется их идеологической и политической предвзятостью. Подтекстом своего извращенного изображения прошлого они хотят сказать, что капитализм настолько хорош, что альтернативы ему быть не может, а потому предпринятая в этом направлении попытка была не иначе как дьявольским злодеянием. Понятно, что, если наше прошлое было таким, то наше сегодняшнее должно казаться нам раем.

Однако, насколько мы понимаем, подавляющая часть российского населения никак не согласится с тем, что, перейдя от социализма к капитализму, мы попали из ада в рай. Для большинства нашего населения революция не была злодеянием, и в ней надо разобраться более беспристрастно. Насколько это возможно сделать в рамках одной статьи, мы попытаемся сделать здесь.

При этом свой подход к проблеме хотел бы прояснить с самого начала.

Что бы ни говорили хулители русской революции, мы ее считаем главным событием XX века, предопределившим ход не только нашей, но и всей мировой

истории в течение целого столетия. Такое судьбоносное событие не могло упасть с неба, а созрело на нашей собственной почве и явилось плодом физических и интеллектуальных усилий миллионов российских граждан в течение многих десятилетий. Февральская и Октябрьская революции имели глубокие исторические и социально-экономические корни в укладе жизни нашего народа и были вызваны этим укладом в условиях мирового капитализма. На наш взгляд, правда о нашей революции связана именно с этим. Что касается ныне широко распространяемых версий об иностранных деньгах и кровожадных путчистах, с помощью которых якобы были «организованы» наши революции, то их мы рассматриваем как результат либо невежества и умственной лени в изучении своей истории, либо сознательной фальсификации политически ангажированных злопыхателей.

Итак, что говорит 90-летняя высота нашего развития о тех двух революциях, которые произошли в одном и том же, не стираемом из нашей истории, знаменательном 1917 году?

У нас было то, что и у других

Стреляют в коммунизм, а попадают в Россию.

Разговор о русской революции хотелось бы начать с того, чем она была и не была. Если это был просто путч или бунт местного значения, тем не менее, правда, почему-то положивший начало национальной смуте гигантской страны в течение нескольких десятилетий, то тогда, может, и говорить не о чем. Но в том-то и дело, что подобное утверждение, от кого бы оно ни исходило, не имеет под собой никаких оснований. Понятия «революции» и «заговорщического переворота» достаточно определено разработаны в мировой общественной мысли, и ими следует пользоваться в общепринятом смысле, а не по своему мало кому понятному разумению. Это значит, что толковать, а тем более менять их в явочном порядке («а я вот вам скажу!») человек может, но всерьез это принимать не следует.

К сожалению, в последние годы нередко сталкиваемся с таким подходом к оценке русской революции. Голословно утверждается, что в России не было ничего другого, кроме заговорщического переворота. И все. Как тогда понимать другие революции, или их тоже не было?

4 июля 1776 г. в городе Филадельфии Континентальный конгресс принял Декларацию независимости американских штатов от Великобритании, и это признается датой американской революции. Делегатов было всего несколько десятков, но от имени своих штатов они выражали волю народа страны. Принятием подобной Декларации страна переводилась из одного качественного состояния (английской колонии) в другое качественное состояние (в положение независимой страны). Это и было революцией.

Другой пример. 14 июля 1789 г. народ Парижа штурмом взял Бастилию, и это считается датой французской революции. Хотя в «бунте», как бы это назвали некоторые российские авторы, участвовал только народ Парижа, но было также много

других проявлений того, что королевская власть потеряла доверие и авторитет, а потому большинство французского народа поддерживает не защитников крепости, а восставший народ. Падение Бастилии символизировало отказ от королевской власти и ее переход в руки восставшего народа, хотя король еще более трех лет после этого с ограниченными правами оставался на троне. Тем не менее, общество перешло из одного качественного состояния в другое, и это определяется как революция.

Второго марта 1917 г. русский царь отрекся от престола и тем положил конец трехсотлетней династии Романовых, что отмечено в истории как начало Февральской революции. Причем царь сделал это под принуждением вышедших на улицы масс, которые требовали смены политического режима. В тот же день, еще до получения известия об отречении, лидер кадетов П. Н. Милюков, выступая перед переполненными энтузиазмом людьми в Екатерининском зале Таврического дворца, заявил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен». (П. Н. Милюков. История второй русской революции. М., 2001, с. 50). Николай II понял это до того, как об этом сказал Милюков. Требование об отречении было у всех на устах.

Имел ли царь право на отречение? Праздный вопрос. Когда народ выходит на улицу, то право перестает существовать. В отличие от множества своих монархических критиков тогда и потом, Николай II по опыту английской и французской революций знал, что власть в такой ситуации чревато опасностью гибели королевской семьи. Карл I и Людовик XVI цеплялись за свой трон, и дело кончилось низложением и казнью. Мудрее всех поступило Учредительское собрание Австрийской республики, которое вначале принудило императора к отречению, а затем приняло решение о конфискации имущества Габсбургов и изгнании их из страны. Это спасло им жизнь. Когда началась германская революция 1919 г., Вильгельм II незамедлительно бежал из страны в Голландию. Годы спустя он умер там своей смертью. Когда началась иранская революция 1979 г., то шах понял, что любой ценой надо выбраться из страны. С большими трудностями он так и сделал. Бежал в США, а затем умер своей смертью в Египте. Не надо доводить страну до революционного пожара, а если это случилось, то единственным шансом царствующей особы остаться в живых является незамедлительное бегство из страны.

Особенность политических уступок такова, утверждал Стефан Цвейг, что они всегда опаздывают. Когда нужно – их не делают, когда их делают, то к тому времени бывает поздно, и только подливают масло в огонь. Так было и с отречением царя. К тому времени джинн вышел из бутылки. В ожидании новых перемен народ высыпал на улицы, а солдаты вместо того, чтобы воевать, воткнули штыки в землю. Спасая ситуацию, Государственная Дума образовала Временное правительство, куда вошли представители нового имущего класса – буржуазии. Не доверяющие имущим классам и власти народные низы возродили репрессированный во время революции 1905 г. Совет рабочих депутатов, расширенный теперь за счет депутатов крестьянских и солдатских. Взаимоотношения двух параллельных органов власти, определившие дальнейший ход революции, – тема особого разговора, а пока ограничимся

констатацией фактического перехода российского общества в новое качественное состояние.

Подобного рода перемены, означающие смену одной системы власти другой, давно обобщены специалистами разных стран и времен, и в мировой науке обозначены понятием *революция*. Если кому-то по своей причуде хочется называть это иначе, – путч, заговор, бунт или еще как-то, – то это дело вкусов и пристрастий. Но объективным пониманием вещей такие представления признаны быть не могут. Для реального понимания исторических событий приходится оперировать только общепринятыми, многократно проверенными определениями, ибо анализировать и оценивать их без этого невозможно.

Согласно этим определениям русские революции – 1905 года, Февраля и Октября 1917 года были таковыми, поскольку отмечены качественными изменениями в жизни общества. После каждой из них российское общество становилось другим, нежели оно было до этого.

Чего мы стоим в свете своей революции?

Весь вопрос в том, каким становилось общество в итоге революции. Конечно, если перемены положили начало национальной смуте и бандитскому произволу, и общество становилось все хуже и хуже, как нас теперь многие уверяют, то у хулителей революций есть основания настаивать на негативной оценке происшедших у нас перемен, как бы их не называть. Но если так, то возникает вопрос о качестве этого народа, который в течение всего XX века ни на что другое, кроме как на дурные дела, не оказался способным. Если все другие народы совершили революции для того, чтобы свое дурное прошлое превратить в более разумное будущее, а мы делали наоборот – свое замечательное прошлое поменяли на ГУЛАГ, то что мы за народ и чего заслуживаем?

Только глубоко порочный народ мог в течение целого столетия, да еще по наущению каких-то темных сил, действовать против собственных интересов. «У нас было два трагических «февраля», – пишет А. Ципко, – «первый, календарный, в 1917-м, второй – в декабре 1991 года был таким же «безумием элиты». Образование, данное советским строем русскому человеку, не прибавило ему ума». («Российская газета» от 10.03.07, № 49).

Если революция – одно лишь зло, то никаким иным не может быть и совершивший ее народ. Порочность революции не может быть ничем другим, кроме как драматическим проявлением порочности народа. Иной логики нет. Сколько было у нас неприятностей за эти сто лет, – говорят те, кто сам лопается от чрезмерного ума, – нашему народу это не помогло. Хоть кол на голове ему теши – он все равно будет делать свое неумное дело. Если и февраль, и октябрь 1917 года были злосчастными катастрофами, проявлением «безумия» нашего народа, а все последующие годы мы шли этой роковой дорогой, то какие есть основания полагать, что теперь мы найдем дорогу к лучшему будущему? Ведь ума-то не прибавилось,

несмотря на полученное образование. Но если такими были наши предки, а мы тоже не лучше них, то какое будущее ожидает наших детей?

Тогда мы правильно сделали, что перестали отмечать дату нашей революции и больше не обременяем глав государств и друзей в разных странах и континентах обязанностями ежегодно 7 ноября почтительно кланяться нам, как это они делали в советское время. Мы-то будем поздравлять других с днями их революций, так как они того достойны, а мы нет.

При всем неприятии подобного самоотрицания и самооплевывания – они о чем-то говорят. Не о том, конечно, что мы глупее других, а о том, что мы как более эмоциональный народ больше подвержены крайностям. Другие народы не впадают в такую крайность, чтобы поливать свою историю и деятелей революции такими помоями, как это делаем мы. Французские историки и писатели, конечно, критикуют, но не поносят деятелей своей революции. Прочтите Виктора Гюго, Анатоля Франса, Ромэна Роллана и многих других. А ведь жестокостей там было не меньше, чем у нас. Разумеется, их никто не оправдывает. Но, во-первых, пытаются их понять и объяснить; во-вторых, на их основании никто не делает вывода о несостоятельности французского народа.

Чего нам действительно не хватает, так это, я думаю, умеренности в оценке того, кем мы были вчера и являемся сегодня. Вчера мы до небес перевозносили свою страну как флага мира мирового прогресса и не замечали ее пороки, а сегодня униженно стыдимся ее и пытаемся вычеркнуть советское прошлое как позорную страницу, забыв все, чего достигли тогда. Вчера утверждали, что ленинизм есть высшее достижение русской и мировой культуры, а теперь то же самое объявляется величайшим злодеянием XX века. Похоже, что кому-то доставляет садистское удовольствие раздевать свою страну и показывать ее срамные места так, будто это не наша, а чужая страна, а в других странах такого срама нет.

Только чрезмерной эмоциональностью можно объяснить то, как мы поносим сегодня вождей и участников нашей революции. Разумеется, безгрешными они не были, и в их деятельности немало того, за что они заслуживают критики и осуждения, и об этом мы еще скажем. Но были они все-таки благонамеренными, какими признаются персонажи революций других стран, или в этом тоже мы хуже других, и в отличие от них, наши были изначально злонамеренны?

Подпевая антироссийскому хору, хулители бросают тень на нашу революцию, изображая ее вождей иностранными шпионами. Подобная ложь давно является дежурной для всех случаев дискредитации политических противников. Многие жертвы французской революции взошли на эшафот с надуманным ярлыком агента тогдашнего жупела, английского премьера Питта. У нас было то же самое. Ленин давно зачислен в немецкие шпионы. Троцкий, Зиновьев, Каменев были объявлены агентами гестапо. Недавно второй телеканал, грубо извращая факты, переквалифицировал Троцкого из немецкого – теперь в американского агента. Русский народ изображается безвольной игрушкой в руках чуждых сил, в то время как

в действительности последнее слово о том, чему быть и не быть, всегда принадлежало ему, и никому другому.

Что касается вождей революции, то не следует как обожествлять их, так и демонизировать. Никто из них не был Богом, но и возводимые на них злобные наветы не имеют под собой никаких оснований. Никому, кроме своей веры, они не служили. Никакие земные соблазны, вроде денег и прочих атрибутов мещанского благополучия, не имели для них значения. Кто знает, тот знает, что свою жизнь они мерили самой высокой меркой беззаветного служения счастью угнетенных и обездоленных, как его понимало большинство тогдашних россиян.

С учетом времени и национальной специфики деятели нашей революции были такими же, какими были их двойники, например, в английской революции XVII в. и французской – XVIII в. Так же как сами революции были такими, какими были англичане и французы. Никто не может быть ни хуже, ни лучше своей истории.

Осуждать прошлое (как и вообще других) куда легче, чем его понять. Для науки не подходит известное положение «не судите, и не судимы будете». Без критического отношения к прошлому нельзя понять настоящее. Но критика и самооплевывание не одно и то же. Если встать на нелепую позицию осуждения всего, что по каким-то причинам нам теперь не нравится, то прошлое надо вычеркнуть, потому как в нем полно такого. Так, демонстрации 30-х годов с требованиями казни для «врагов народа» сегодня выглядят как дикость. Завтра не меньшей, а большей дикостью будет смотреться то, как мы добровольно отдали свою собственность прохиндеям типа Березовского, Гусинского и множеству других, которые потом сбежали за рубеж и оттуда на нас плюют. Но спросите себя: почему вы это сделали?

Экстравагантная трактовка русской революции как некоего невиданного и постыдного зла не является столь безобидной, как кажется кому-то с высоты своей слишком счастливой теперь или несчастной в прошлом судьбы. Конечно тем, кто разбогател на приватизации народного добра и теперь в безумии спускает миллионы в зарубежных курортах, революция глубоко ненавистна. Она встала поперек горла тем, кому чужды эта страна и народ, но кого капризная фортуна подняла из грязи в князи и теперь только и озабочен удовлетворением своих низких страстей и вожделений.

Но их ли интересами ее надо оценивать?

Экстравагантная трактовка русской революции сегодня является самым отравленным снарядом, направленным в самое сердце нашего народа. Она льет воду на мельницу набирающей силу антироссийской трактовки истории, согласно которой своей загадочностью и непредсказуемостью Россия таит в себе неизменную угрозу миру. Осуждение Европарламентом в Страсбурге советского коммунизма целилось не в коммунизм, которого больше нет, а в Россию, чтобы вызвать недоверие к ней. От России, утверждают известные круги, следует ждать одни неприятности, а потому ее надо держать в ежовых рукавицах, установив контроль над ее энергетическими ресурсами и вооруженными силами.

В свое время неподкупный диссидент Владимир Максимов признался: в своей критике революции «мы целились в коммунизм, а попали в Россию», которая в итоге низведена до незавидного положения. Хочется спросить, от чего же так у вас вышло? От того, хочется ответить, что вы не такие хорошие стрелки, какими себя представляли. У вас двоилось в глазах и вам казалось, что коммунизм это одно, а Россия это другое, а оказалось, что революция давно слила их в одно целое и, стреляя в одно, непременно попадаешь и в другое. Европарламентарии хорошо это усвоили и продолжают вести огонь как бы по коммунизму, зная, что «стрелы-то попадут в Россию. И попадают, и ослабляют ее настолько, насколько возможно.

Мне кажется, вопрос о характере и последствиях русской революции – была ли она национальной смутой или мировым торжеством социалистической альтернативы капитализму – является более сложным и противоречивым, чем он воспринимается безоглядными критикам коммунизма, как в прошлом, так и в настоящем. Да, советский коммунизм представлял собой тоталитарную диктатуру бюрократии с самодержавным правителем во главе. Он отмечен массовыми преступлениями в виде репрессий против значительной части населения, в особенности интеллигенции и крестьянства. Их осуждение, как и признание вины народа перед жертвами того режима, является составной частью нашей посткоммунистической культуры.

Но какими бы ни были пороки и преступления революции и коммунизма, они являются составной частью нашей истории и культуры, и мы никак не можем сказать, что не имеем к ним отношения. Все, что сделано в те годы, и хорошего, и плохого, сделано не какими-то марсианами, а умом и руками нашего народа, прямыми дедушками и бабушками каждого из нас, и мы так же, как это делали и делают другие народы, обязаны разобраться в том, что все это значило, отделить зерна от плевел. Если верно, что о дереве судят по всем его плодам, а не только по имеющейся на нем гнилой отраве, то надо с большим толком и знанием рассортировать доставшийся нам урожай.

Тогда мы увидим, что одни плоды революции были гнилы и ядовиты, а другие ценны и полезны. Время революции было столь тяжелым для всех, что ее вождей и участников, как и дела их, нельзя обозначить одним знаком. Об этом лучше всех на опыте французской революции писал Чарльз Диккенс: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас все было впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю....» (Собр. соч., т. 22, с. 9. М. 1960).

Взвешенная позиция английского писателя подводит нас к истине, в то время как крайности русского менталитета уводят нас в сторону от нее. Надо принимать в расчет не только негативное в революции, на что сейчас делается исключительный акцент, но и позитивное, которое игнорируется полностью. На мой взгляд, только таким образом составленный баланс может подвести нас к наиболее верному выводу.

Чем была и стала Россия?

По существовавшим до революции меркам Россия была страной с отсталой экономикой и многомиллионным нищенствующим населением. Против подобной оценки обычно выдвигают тот аргумент, что в тот период промышленность России бурно развивалась. Это верно, но выгоды от этого роста доставались не рабочему и крестьянскому населению, а имущему классу. Примерно то же самое мы наблюдаем сейчас: рост экономики есть, но от этого увеличивается только число миллиардеров, а основная масса населения нищает все больше и больше. Что касается дореволюционной российской ситуации, то для ее понимания надо учесть то, что всегда отмечали все серьезные историки: необычайно высокий уровень концентрации производства в российской промышленности означал также концентрацию масс рабочего населения, со временем составившего основную социальную базу будущей революции.

К этому добавлялось бедственное положение многомиллионного крестьянства, страдавшего от безземелья и произвола сохранившего свою силу помещичьего класса. Крестьяне покидали свои деревни и массами шли в города в целях продажи своей рабочей силы, и никого не занимало, как они устроятся, в какую среду попадут, какие идеи от кого примут и когда на какие действия пойдут. В своих «Размышлениях над Февральской революцией», имея в виду время начала мировой войны, А. Солженицын пишет: «Если бы крестьянство к этой войне было общественно-равноправно, экономически устроено и не таило бы сословных унижений и обид, петроградский бунт (так он называет революцию – автор) мог бы ограничиться столичными эпизодами, но не дал бы губительного раската революции с марта по осень». Совершенно верно. Если бы крестьянство было устроено «как надо», то революции не было бы вообще.

Но в том-то и дело, что много чего в России не было устроено так, как надо. Бедственное положение рабочих и крестьян, их резкое недовольство существующим режимом и его столпами – от находившегося далеко от людей царя до непосредственного приказчика – и было основной причиной революции.

Вместо обилия красноречивых, но скучных для непрофессионала цифр о богатстве и роскоши одних, нищете и страданиях других в тогдашней России взглянем на четыре очень интересных фотографии, сделанных неизвестным фотографом в непосредственно предшествующие революции 1910-1914 годы.

Какие колоритные лица выбрал художник-фотограф во всех случаях! Как о многом говорит простое чаепитие! Лица одних выражают крайнее самодовольство. И как тому не быть – им-то и достаются плоды экономического роста. Но зато какая сила в тех, кто сидит на земле и пьет чай, видно, вприкуску – судя по тому, как один из них держит кусок сахара в руках.

О столь же многом говорит и другая пара фотографий. Одна из них показывает бал в Шуваловском дворце (на Фонтанке в Петербурге) в самый канун первой мировой войны, а другая – рабочую столовую на Васильевском острове

приблизительно тогда же. Вот как жили одни и как жили другие. И тогда было, и сейчас имеется множество людей, разумеется, из персон первой фотографии, которые находят такое положение вещей вполне нормальным. Кому что досталась, тот, мол, того и заслуживает. Но вот персонажи из вторых фотографий так не думают, и их лица успокаивающего миролюбия не выражают.

Что они будут делать, когда ударит набат, трубач позовет их на сборы, и они сомкнутыми рядами выйдут на улицы? Статистикой экономического роста их не остановишь. Когда грянет гром и от молнии вспыхнет пожар, то миллионы подобных тем, кого мы видим на фотографиях, будут его не гасить, а раздувать в надежде, что на месте старого будет построен новый дом, в котором найдется лучшее место для них. Накопленное в них десятилетиями недовольство выйдет наружу и превратится в энергию и злобу. Они станут громить торговые лавки, где ничего не могут купить, организовывать другие массовые беспорядки и парализуют государственную власть. Своими действиями они сделают отречение царя неизбежным, и их не будет интересовать, имел он права на это или нет, должен был передать трон сыну или брату.

Отчего возникает пожар?

Задним числом многие сегодня возлагают вину на тех, кто активнее других, и, конечно, по-своему откликнулся на возникший тогда в России пожар. Но исходным в теории революции считается вопрос не о том, кто как действовал во время пожара, – это вопрос тоже важный, но второй, – а то, *от чего возник пожар?* От слов агитаторов и подстрекателей или от действий тех, кто держал в руках богатства страны и бразды правления?

Конечно, всегда есть те, кого можно называть агитаторами. Все люди реагируют на свое положение и всегда чего-нибудь по этому поводу говорят, и странно ожидать, что это может быть иначе. Весь вопрос в том, какие есть основания для такой «агитации». На вторых фотографиях мы видим одних только мужчин, но, надо думать, у них есть жены и дети. А как они питаются и чем вообще живут? Едва ли лучше своих мужей и отцов. Но тогда о чем они говорят в семье и с друзьями, как относятся к власти, к своим хозяевам? Если посмотреть в их лица, то об этом нетрудно догадаться. То, что они говорят о своем бедственном положении, формирует их сознание и политическую позицию больше, чем тысячи агитаторов.

В тех же «Размышлениях» А. Солженицын сетует на то, что монархия не умела и не хотела напрямую разговаривать с народом, чтобы донести до него «монаршую правду» и таким путем завоевать на свою сторону. Но в чем она состояла? Никакой монаршей правды (как президентской сегодня) не было, кроме положения, в котором находились страна и народ, а об этом со всей определенностью писал Лев Толстой в письме к царю в 1902 году. Если то же самое сказать нашими словами, то правда заключалась в том, что народ (рабочие и крестьяне) безжалостно эксплуатируются капиталистами и помещиками, которые тем самым толкают его на революцию.

Такая правда требует ответа на вопрос: кто является основным творцом революции? Те, кто говорит, пишет, принимают в ней участие и даже становятся во главе, когда она возникает, или же те, кто ее вызывает, кто своей безудержной жадной обогаченной угнетает народ и держит в нужде, обрекает на страдания и тем провоцирует на насильственные действия? Ответ на этот вопрос содержится не в монаршей правде, а в революционной теории.

К революции прибегают в особых условиях, когда ослепленные жадной собственным обогащением господствующие классы пренебрегают благополучием народа. Тогда у неимущих классов не остается другого выхода, кроме как брать в свои руки и оружие, и свою судьбу. От этого не было и сегодня нет другой гарантии, кроме одной: **чтобы имущие классы думали не только о себе, но и об удовлетворении нужд своего народа, а не провоцировали его на революцию.** Ничем подобным дореволюционный российский правящий класс не был озабочен, а потому именно он, а не революционные партии и их агитация сделали революцию неизбежной. В благополучной стране ни эти партии, ни их агитация не имела бы никакого успеха.

О лжереволуции и народной революции

Прежде чем конкретно говорить о ходе и последствиях революции, отметим глубокое отличие стихийно развивавшихся массовых движений, какими были, например, французская, русская, китайская и ряд других революций, от рукотворных цветных лжереволуций нашего времени, которые представляют собой хорошо срежиссированные спектакли для обмана публики. Ряд принципиальных отличий указывает на разделяющую их пропасть.

Развитие народной революции определяется логикой событий и классовой борьбы, которая ведет к смене общественно-экономической системы и класса собственников. Отсюда многочисленные акты насилия не только организованных сил революции, но и стихийных выступлений разбушевавшейся толпы, вплоть до диких самосудов и прочих неконтролируемых действий в отношении тех, кто в глазах разъяренной толпы олицетворяет старый режим. Варварских и бессмысленных жестокостей во всех народных революциях всегда было полным-полно.

В цветных лжереволуциях, именно потому, что они рукотворны, к счастью, ничего подобного не бывает. Их цель не смена режима, а лишь чиновников на тех или иных постах. Потому-то они представляют собой всего-навсего мирную демонстрацию в качестве рычага осуществления задуманной политической комбинации. Но даже они не возникают на пустом месте, а лишь на почве реально существующего недовольства населения. Если бы народ Украины был доволен режимом Кучмы, то никакие американские деньги не смогли бы собрать столько народа и со всех областей пригнать его на Майдан.

Отсюда разные возможности внешнего воздействия на ход и исход происходящих процессов. В постановочных лжереволуциях широко используется подкуп. Народные революции, в которых участвуют разнообразные массы населения

с разнообразными целями, настолько неуправляемы, что в них подкуп почти невозможен, хотя к нему и прибегают. Так, на известном этапе французской революции двор подкупил Мирабо, но к тому времени он потерял свое влияние и нужных двору услуг не оказал. Двор потратил колоссальные по тому времени полтора миллиона франков на то, чтобы предотвратить вначале свержение короля, а затем его казнь. Но успеха это не принесло. К тому времени, когда подкупленные должны были подать голос, накал народного озлобления достигал таких градусов, что никто из них и пикнуть уже не смел в защиту короля.

В революции решающую роль играют не должностные лица, а народные кумиры, которые взвиваются столь же неожиданно, как неожиданно падают навзничь. Барометр народной революции, приливы и отливы участвующих в ней настолько изменчивы, что заранее никогда неизвестно, кого, за что подкупать. Если даже большевики получили кайзеровские деньги, то все равно они не имели значения: находившаяся у власти российская буржуазия, извините, имела в миллионы раз больше денег, но остановить развитие событий не смогла. Деньги во всяком деле имеют значение. Но революцию они не делают.

Очевидно, понимание этой истины дается нелегко, что мы еще раз видели буквально на днях. Пребывающий в Англии российский авантюрист Борис Березовский явно в целях саморекламы заявил о своем намерении устроить ни мало, ни много, как «революцию в России». Эта пустая фраза болезненно-амбициозного невежды настолько всполошила столь же невежественный российский политический бомонд, что один за другим из эфира и со страниц печати посыпались обеспокоенные призывы принять предупредительные меры против возможных козней беглого олигарха.

Хотелось бы успокоить тех, кто так обеспокоился этим заявлением по причине своей неосведомленности относительно того, когда возможна и невозможна революция. Сегодня в России нет условий не только для народной, но и для постановочной «цветной» революции. Даже для последней требуется достаточно большое количество готовых на действия недовольных, не говоря уже о широкой народной революции, при которой стихийно накопленное недовольство достигает взрывной кондиции. Ни того, ни другого сегодня у нас нет. Нет и когорты героев, которые обычно выдвигает революция в качестве бесстрашных и популярных заступников народных низов, пользующихся их доверием и идущих за ними. Признаком надвигающейся революции всегда бывает также полная потеря авторитета первого лица государства, а у нас пока дело обстоит как раз наоборот.

В нашей сегодняшней ситуации никакие березовские никакой революции ни с какими деньгами совершить не могут. Более того, даже кажущиеся всемогущими ЦРУ и Госдепартамент США не в состоянии это сделать. Они могут финансировать те или иные политические группировки и подкупать их лидеров, толкать их на те или иные подрывные действия. Но это будут выброшенные деньги. Теперь мы уже знаем подноготную американской «помощи», и на мякине нас уже не проведешь. Если раньше американская поддержка придавала кредит, то теперь она изобличает ее

получателя как чужого агента. Поэтому касьяновы и каспаровы могут как угодно надувать щеки и витийствовать в своих сектах, но шансов прийти к власти у них нет. Их время прошло. Подобные могли выдвигаться и выдвигались на прокапиталистической волне начала 90-х. Теперь ветер перемен дует в другом направлении. У широких масс населения растут антикапиталистические настроения, и надо ожидать, что время будет выдвигать людей совершенно другого типа.

Итак, сегодня ни в каком виде угрозы революции в России нет. Но это не значит, что она не может возникнуть завтра. Поэтому лучше всего не питаться нелепыми измышлениями о революции, а изучать ее теорию и историю и разбираться в том, почему и когда она возникает.

Революция – это не козни врагов, а социальное землетрясение

Революция возникает не от хорошей жизни. Октябрьская революция разразилась не потому, что ее «устроили» большевистские вожди, да еще на немецкие деньги, как обычно представляют те, кто не может объяснить ее иначе как кознями врагов и агентов. На самом деле революция представляет собой социальное землетрясение, цунами, ураган, который никто никакими действиями «устроить» не может, если на то нет соответствующих предпосылок. Она возникает в силу внутренней логики развития событий, когда множество источников народного недовольства сливаются в единый, всеокрушающий поток.

Поэтому и управлять революцией так же невозможно, как никто не управляет землетрясением или ураганом. Революционные теоретики изучают ее опыт в разных странах и создают теоретические приборы определения подземного гула надвигающихся событий. Отличая этот гул от текущего исторического шума, они оказываются более подготовленными в нужное время к нужным действиям. Но это не значит, что именно их выступления вызвали сами события. В неблагоприятной для революции ситуации их призывы обычно остаются голосами вопиющих в пустыне.

Кстати сказать, немалое число антиреволюционных представителей господствующего режима порою показывают не менее тонкий слух в улавливании гула приближающейся революции и предлагают меры ее предотвращения. Такими в России были Витте и Столыпин, которые при всей нелюбви друг к другу были едины во мнении, что война будет губительной для России. Но особую проницательность проявил бывший министр внутренних дел Дурново, который еще в начале 1914 года в письме к Николаю II предупреждал его о высокой вероятности поражения армии в случае вступления в войну и роковых последствиях, которое это будет иметь.

«Побежденная армия», – писал он, – «лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большой части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в

беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению». (Цитировано по книге Г. Иоффе «Революция и судьба Романовых». М. 1992, с.10).

Самое поразительное, что Дурново предсказал не только Февраль, но и то, что затем «коппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны», что по существу и означало перерастание Февраля в Октябрь. Правда, Троцкий о такой возможности писал еще в 1905 г., а Ленин заговорил об этом сразу после февраля. Но если кто-то, хотя бы один человек, обладал таким умом и проницательностью, что до развития событий уловил и понял ту логику, по которой они будут развиваться, то это разносит в пух и прах версию о кайзеровских деньгах как источнике революции.

Революция делается алчностью имущего класса

Почему царь и его окружение не прислушались к предупреждениям, которые исходили не от революционеров, а из их собственной среды и мотивировались интересами сохранения существующего строя? Потому что имущий класс, в особенности в России, раньше и теперь по своей алчной природе одержим одной лишь жадной обогачения, а ко всему остальному слеп и глух. Жажда власти и денег куда более сильно действующий наркотик, чем все остальные известные под этим названием. Поэтому у богатеющего человека более сильной страсти нет. Так было до 1917 года, так обстоит и сейчас. Сколько наших богачей сегодня не предупреждай, что образ их действий рано или поздно кончится керосином – пользы не будет. Раньше удара по голове они опасности не чувствуют. На своевременные реформы и уступки они не идут, а потому, согласно революционной теории, насилие является единственным языком разговора с ними.

В последующих статьях, мы подробнее покажем, как политическая слепота имущего класса связана со стихийностью и неподконтрольностью развития событий, а пока рассмотрим, какую роль в ее возникновении сыграла первая мировая война, в ходе которой и возникла наша революция.

Решающее значение имело то обстоятельство, что в финансово-экономическом отношении Россия была зависимой от англо-французского капитала и должна была таскать им каштаны из огня. Зададим такой вопрос: для чего Россия, обремененная миллионами собственных забот, так необдуманно бросилась в авантюру мировой войны? Видите ли, потому, что какой-то серб в Сараево бросил бомбу в австрийского наследника престола и убил его. В ответ Австрия потребовала свободы в расследовании этого преступления. Ничего экстраординарного в этом нет. Но Россия, видите ли, такая заступница за каждого славянина, что не может дать в обиду даже отдельного террориста. А как же теперь, когда мы, по существу, предали весь сербский народ? Куда же девались наша славянская гордость и заступничество, если в этом было дело?

В действительности сараевское убийство было только внешним поводом вступления в войну, а причина была другая. Она состояла в том, что Россия была зависима от Англии и Франции, и они потребовали ее участия в войне против

Германии, которая к тому времени стала их опасным конкурентом на мировой арене. Неизвестно, верил ли правящий класс России тому, что ему сулили, – а сулили ему Константинополь и Черноморские проливы, – но давать их России никто не собирался. Крымская война показала, что на это они никогда не пойдут. Тем не менее, русские солдаты должны были проливать кровь за чуждые им интересы, – простите за старый марксистский термин, – англо-французских империалистов.

К тому времени, когда Россия подошла к революционному порогу, война порядком всем осточертела. Люди гибнут, а для чего – непонятно. Правда, большевики с самого начала объявили войну братоубийственным бедствием для трудящихся всех стран и на этом основании снискали репутацию «антипатриотов». Но после двух лет бессмысленных потерь большевистские агитаторы приобрели исключительный вес в глазах солдатской массы.

Но вместо них возьмем в свидетели заслуживающего большего доверия генерала Деникина, которого революция застала в Румынии на посту командующего корпусом. Он описывает ситуацию на фронте следующим образом: «Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболели тысячами; из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова на станционных платформах» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. М. «Наука», 1991, с. 129.).

Для большей наглядности проиллюстрируем и это высказывание соответствующей фотографией из тогдашней фронтовой жизни. То, что описал Деникин и снял фотограф, солдаты на фронте видели ежедневно. Пока они умирали, имущий класс обогащался на военных поставках и рассчитывал получить еще больший куш от дележа наследства разбитого врага. Ослепленные собственной алчностью и равнодушные к народным и солдатским нуждам толстосумы не хотели видеть, что сидят на пороховой бочке, взрыв которой разнесет их в клочья. Они строили свое счастье на несчастьях своего народа, и их ждала суровая Божья кара.

А тем временем чаша весом постепенно склонялась в пользу все большего доверия к большевистским агитаторам. В них солдаты увидели своих заступников, а в офицерах и генералах, гнавших его в бессмысленную войну, своих врагов. В итоге они повернули оружие против режима, обрекающего их на гибель. Как тут не вспомнить пророчество Дурново?

Ужасно быть зависимой страной. Советский Союз страдал многими пороками и совершил много ошибок. Но зависимым он ни от кого не был и за все ответственен сам. С царской Россией было иначе. Она вступила в войну не по своей воле, так же как не по своей воле сегодня американские сателлиты воюют в Ираке или Афганистане. Вильгельмовская Германия на нас не нападала и ничем особым не угрожала, и мы вступили в войну с ней по требованию наших союзников, которые в противном случае имели возможность перекрыть нам кислород.

Развитие капитализма в России сопровождалось не ее «вестернизацией», как надеялись не только либералы, но и марксисты, а усилением ее зависимости от западного капитала. Революция и коммунизм освободили Россию от этой

зависимости и подняли ее на высоту такой сверхдержавы, что никто больше не мог диктовать ей свои условия. Мы сделали свою страну такой, чтобы могли ее защищать в любой ситуации. В свете нашего сегодняшнего положения это плод исключительной ценности. Теперь мы снова попали в зависимое положение и покорно миримся с продвижением агрессора к воротам нашего дома.

Тем временем мы тщетно пытаемся умиротворять агрессора поставками своих энергоресурсов, забыв исторический урок, что от этого он еще больше наглет. США уже пригласили Грузию и Украину в НАТО и тем намерены окончательно приставить пистолет к нашему виску. О таком обращении со страной Октября никакие ее враги не могли бы и мечтать.

Так каков же баланс постсоветских перемен, в пользу или во вред нам?

Советская антиимперия – плод Октября

Помимо нашего социально-экономического скачка и завоевания независимости страны, которые были отмечены выше, у Октября был еще другой чрезвычайно ценный плод: создание не имеющей себе аналога, и, наверное, ни на какой другой идейной основе невозможной антиимперии, под которой мы имеем в виду союз советских народов.

Царская империя, как известно, после Февраля почти полностью распалась, как СССР в наше время. Никакая другая политическая сила, кроме большевиков, не могла ее восстановить, ибо это было возможно только на основе имевшейся в их арсенале наднациональной идеи международного братства трудящихся всех стран, освобождения ранее угнетенных народов от власти капиталистов и помещиков и их равенства в новом Союзе народов. В этом тоже не все было однозначно. Во время второй мировой войны некоторые народы были депортированы, а позднее возник антисемитизм. Тем не менее, это был подлинный союз множества равноправных народов с небывалым ростом их экономики и расцветом культуры, чему примеров в истории больше нет.

Коммунизм унаследовал от революции страну с населением в 150 миллион человек, а в течение 70 лет его существования оно достигло 280 миллион человек. Население выросло главным образом благодаря росту благосостояния и резкому снижению смертности населения с 30 с лишним до революции примерно до 8–10 на тысячу человек населения в советский период. Тогда население страны ежегодно увеличивалось на 1–1,5 миллиона человек. Теперь смертность вновь поднялась до 16 с лишним, а население страны ежегодно сокращается примерно на миллион человек. По имеющимся прогнозам к середине века население России снизится до уровня 70–60 млн. человек, что, конечно, сделает ее менее дееспособной.

Если народ России вымирает, а нас со всех сторон окружает НАТО, чтобы в подходящий момент прихлопнуть нас своей гигантской ладонью, то на что нам все псевдodemократические перемены, проведенные ценой фактического отказа от своей национальной независимости и вымирания нашего населения?

Еще одним большим плодом русской революции было ее международное значение. Вопрос о том, был ли Октябрь заговорщическим переворотом или чем-то другим, мы оставим для самостоятельного рассмотрения. Здесь мы скажем о его международном резонансе, который едва ли кто может отрицать. В глазах множества угнетенных народов в различных частях мира Советский Союз был образцом того, чего они могут достичь, встав на указанный им путь развития.

Против капитализма до и после Октября 1917 года было много выступлений в различных частях мира. Но нигде они не приняли такой масштабный характер, как у нас, поскольку нигде язвы капитализма не вызвали такую острую боль и реакцию. Это сделало Россию эпицентром мирового развития, где решался исход основной болезни капитализма – противоречия труда и капитала. Только у русских рабочих, крестьян и интеллигенции хватило воли и решимости, физических и интеллектуальных сил найти способ решения этого противоречия – не только свергнуть капитализм, но и предложить вместо него ***историческую альтернативу путем создания противоположной ему социально-экономической системы***, какой вначале был Советский Союз, а затем весь мировой социализм.

Если мы были глупее других, то почему они следовали нашему примеру?

Конечно, созданный нами строй был глубоко противоречивым. Провозглашенные права и свободы не были обеспечены. Народовластие первых лет вскоре переродилось в тоталитарное господство бюрократии, приведшее к тяжким преступлениям и преследованиям всякого инакомыслия. В результате имели место не оправданные массовые репрессии в отношении ни в чем не повинных людей. Сковывание творческой инициативы людей ограничило возможности роста экономики, и нам не удалось поднять народное благосостояние до уровня развитых стран. Созданная Октябрем система страдала многими другими пороками, приведшими к ее краху.

Кстати сказать, крах коммунизма наступил по тем же законам и правилам, что и царизма. Правившая в нем бюрократия переродилась в антинародную силу, озабоченную собственными интересами. О благе народа только говорилось, подлинной заботой бюрократии было обеспечение безопасности со стороны внешнего врага, а тем временем ее могильщиком стало недовольное своим положением население собственной страны.

Но вытекает ли отсюда, что капитализм беспорочен и альтернативы у него быть не может? Если так, то мы должны смириться со своим нынешним положением и плестись в периферийном обозе стран золотого миллиарда в роли источника энергии для него. Если не так, и каждый народ имеет право искать путь к благополучию в соответствии со своей спецификой, то стремление СССР к выбору собственной модели развития, при всех ее недостатках, надо признать законным правом нашего народа на выбор альтернативного капитализму пути развития.

Такую попытку представлял Октябрь 1917 г. Если этот исторический выбор был всего-навсего путчем, в результате которого мы оказались выброшенными из

магистралей мирового развития на его обочину, то, как понять многие явления, последовавшие за ним?

Если было так, что где-то в далекой России, в находящемся среди непроходимых болот и озер заснеженном городе, произошел какой-то путч, то кому какое до этого дело? Но нет, мир почему-то всполошился, и началось массовое паломничество в нашу страну. Москва стала Меккой всех мыслителей, деятелей науки, культуры, политики от Рабиндраната Тагора до Бернарда Шоу, от Теодора Драйзера до Ромэна Роллана, от Джона Кейнса до Жюлио-Кюри, от Герберта Уэллса до супруг Веббов. Отчего им не сиделось дома? Все хотели прикоснуться к святому камню советского опыта и из первых уст услышать, что этот опыт означает.

Результатом многочисленных поездок и широкого изучения опыта СССР стала развернувшаяся тогда по инициативе супругов Вебб в английской печати дискуссия на тему: «Является ли советский социализм новой формой цивилизации, идущей на смену западной?». Хотя в итоге ответ был дан отрицательный, но факт говорит не только об интересе к делу Октября, но и надеждах, которые он породил. Джону Кейнсу стоило немалых усилий доказать, что Меккой западной цивилизации все-таки является не Москва, а Вашингтон. Тем не менее, лучшие студенты Кембриджа и других университетов, потомки старых аристократических фамилий вплоть до троюродного брата короля добровольно пошли на службу советской системе и в течение десятков лет снабжали ее разведку ценнейшей информацией.

Служить Советской стране тогда очень многие считали требованием времени. Разве не стоит задуматься над тем, почему было так? В фашистской Германии образовалась и долгое время с большим риском для жизни успешно действовала созданная из добровольцев и служившая Советскому Союзу большая разведгруппа с численностью до 300 человек, названная гестапо «Красной капеллой» за то, что она в одно и то же время включала свои передаточные аппараты и передавала информацию в Москву. Мало кто из них остался жив. Почему они пошли служить не демократическим Соединенным Штатам, а тоталитарному Советскому Союзу?

Потому что Советский Союз был не тем, чем его изображают теперь услужливые адвокаты капитала. Для миллионов людей во всех частях мира он был светом в окне, надеждой на то, что поднятое им знамя альтернативы капитализму не только указывает путь к избавлению от власти капитала, но и объединяет силы противостояния наступлению фашизма, который уже тогда принимался как угроза мировой цивилизации. Это теперь делают попытки тянуть фашизм на то, чтобы отождествлять его с коммунизмом, а в то время все видели и знали, кто, как и почему взрастил фашизм, и его оценивали как наиболее яркое проявление мерзостей капитализма. Когда началась окончательная схватка, то надежды на Советский Союз полностью оправдались. Он явился главной силой, нанесшей смертельный удар по фашизму, и сыграл решающую роль в освобождении народов Европы от этой чумы XX века. Но и нам не следует забывать то, что в разных странах очень многие оказали нам бесценные услуги, за что мы вечно должны быть им благодарны.

Альтернативность рожденного Октябрем социализма импонировала очень многим в мире, в особенности тем, кто после второй мировой войны позаимствовал нашу модель развития. Как говорилось выше, эта модель была причудливым сочетанием достоинств и пороков и содержала в себе семена своего краха. Тем не менее, треть человечества, по крайней мере, часть своего пути прошла по проложенной нами магистрали, а Китай и Вьетнам идут по нему и дальше, показывая миру чудо экономического роста. Октябрь положил начало международному рабочему и коммунистическому движению, охватившему все страны и континенты. Никогда ранее на мировой арене не выступала столь влиятельная политическая сила, какой было это рожденное Октябрем движение. Под решающим воздействием социализма развалилась колониальная система империализма, и это изменило лицо всего мира.

Если же всего этого не было, и в течение XX века наш народ находился под властью сумасбродных идей, уродливых бунтарей и путчиков, шпионов всех стран, какими рисуют Ленина и Троцкого и им подобных, то не остается ничего другого, как отказаться от такой истории. Но тогда надо перечеркнуть и бесценные услуги, которые в рамках советской системы мы оказали множеству стран, народов и людей, равно как и от той любви и благодарности, которую испытывают они по отношению к нам за то, что мы для них значили. Но тогда возникает вопрос: были мы или нас не было вовсе?

Если, идя своим путем, мы только бездумно разворошили мировой муравейник народов, совратили одних и держали в страхе других, то мы действительно неразумный народ, и нас надо всячески опасаться. Чего тогда медлить? Надо отдавать, как от нас требуют, наши ресурсы в распоряжение «надежных» народов. Так будет лучше не только для них, но, якобы, для нас самих.

К счастью, это не так. Русская революция показала не слабоумие русского народа, а необыкновенную силу и величие его духа, первым в мире предложившего альтернативный капитализму путь развития. По этому пути он смог подняться до вершин культуры и социального прогресса, а свою страну сделать несокрушимой державой, какой был Советский Союз. А теперь, потеряв собственный путь, мы стали вымирающей нацией...

Что касается предложенной русским народом альтернативы капитализму, то еще не вечер, и спешить с выводами не следует. История не кончается, пока есть люди. Идя по пути нашего выбора, Китай и Вьетнам показывают с другими странами не сравнимые темпы экономического роста. Свою альтернативу капитализму ищут страны Латинской Америки. Не за горами время, когда Китай станет второй сверхдержавой мира, и он заговорит другим языком. Тогда мир сильно изменится, и предложенная нами альтернатива капитализму приобретет другую ценность, в том числе в наших собственных глазах.

У нас не больше оснований стыдиться своего прошлого, чем у других. Ничья история не является беспорочной. Жестокости британских колониальных войн и американская работоторговля и рабовладение едва ли были лучше нашего Гулага. Это, однако, не исключило достижений этих стран. То же самое у нас. Путем Октября мы

вытащили свою страну из отсталости к прогрессу и превратили ее в научно-техническую, экономическую, военную и энергетическую державу. По пути Октября мы обеспечили **всем** гражданам невиданные до того социальные гарантии.

Октябрь был нашей судьбой, и мы не можем отказаться от него как от части своей истории. Жестокостей хватало всегда и везде. Головы королям сносили и в Англии, и Франции. Религию преследовали и там. Впоследствии все это было осуждено, но без шараханья в другую крайность. Даты революции не были отменены, а оплевывать свое прошлое нигде не стало нормой. Мы тоже не должны этого позволять и никогда не забывать, что принадлежим к этой истории, к этой стране и народу, какими бы они ни были, и других у нас не было, нет, и не будет.

Ленин и российская революция. Можно ли выбросить „ленинский нарратив“?¹

*Краус Т.,
доктор истории,
Будапештский университет
(Венгрия)*

Историки постмодерна успешно „деконструировали“ историю российской революции и в том числе интеллектуальное наследие Ленина. Ныне задача состоит в замене этой „деконструкции“ „реконструкцией“, что как в сфере методологии, так и в сфере „исследовательской техники“ должно начаться с восстановления принципа историчности.

В „официальном“, mainstream историческом дискурсе наших дней наследие Ленина и Октября по существу, в конечном итоге относится к нарративу „терроризма и

¹ Данная статья является отредактированным вариантом моего доклада, сделанного 24 сентября на конференции историков, посвященной 90-й годовщине российской революции.